

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**ПОРТФОЛИО
В БАГРОВЫХ ТОНАХ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление — *Екатерина Фerez*

Соболева, Лариса.
С54 Портфолио в багровых тонах : [роман] /
Лариса Соболева. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 352 с. — (Детектив по новым правилам).

ISBN 978-5-17-090688-8

Кто творит сюжет жизни? Конечно, судьба — так думает пессимист; конечно, человек — так думают оптимисты и берут в свои руки эту судьбу, затем душат ее и душат... пока она не задохнется. Заблуждения всегда стоят дорого, иногда их стоимость равна жизни. Девочки, модели, красивая жизнь, роскошь... это все своеобразные синонимы, и обозначают они одно и то же, хотя можно набрать еще штук двадцать-тридцать слов, символизирующих, по сути, счастье. Просто оно у всех разное.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090688-8

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ»

1

Круглая луна зависла точно над головой. Она беспардонно оккупировала небо, загасив своим сиянием звезды, вероятно, старушка возомнила себя фонарем. Надо сказать, роль эта ей удалась. И не только. Насыщенный яркий свет внес в заурядный ночной пейзаж городского парка фантастическую, пронзительную ноту — манящую, мистическую и загадочную.

Очарование лунной ночью сменилось разочарованием, когда, пошатавшись по парку, Ника не нашла ничего стоящего. Не повезло. Она зашагала по аллее к ограде, к той части, где наиболее удобно перелезть, ведь входы в парк закрыты...

Внезапно сзади что-то треснуло! Сухая ветка переломилась, что ли? И кто же это ночью в парке на ветки наступает?

Ника оглянулась. Глаза заметались из стороны в сторону, а рука скользнула в карман жилета, сжала баллончик. В баллончике состав с перцем, говорят, действует убийственно — глаза попросту вылезут из глазниц и упадут на землю. Лишь бы в суматохе не распылить перцовку себе в лицо.

Ника никого не заметила. Но треск не померещился! Он слышался явственно и довольно-таки близко. Тем не менее никого... Может, летучая мышь задела сухую ветку? Или еще какая-нибудь живность?

Нет, никого. И все же это парк. Ночью он состоит из неразборчивых силуэтов даже при свете яркой луны. Кто там притворился частью пейзажа — не разберешь, стало быть, доверять глазам ночью не стоит. Сделав несколько шагов, Ника резко обернулась, приготовив баллончик... А никого! Она зашагала уверенней, но прислушиваясь к пространству за спиной.

— Ну и светлынь, — недовольно прошептала Ника и сошла ближе к обочине, где тень была плотной, словно состояла из другого материала.

Не хотелось ей столкнуться нос к носу с кем бы то ни было — мало ли что стукнет в голову какому-нибудь выродку. По сторонам Ника не забывала смотреть — вдруг в глаза бросится нечто неожиданное и получится кадр, какого человечество не видело? Маленький секрет, а может, не секрет вовсе, потому что мечта Ники знакома миллионам: грезила она о славе. Да-да, о ней — настоящей, мировой, заслуженной, которую дают талант, опыт, знания. Чтобы осуществить мечту, нужно в общем-то немного: удивить мир. Удивить... Чем, черт возьми! Идея-то пришла, пробившись однажды на рассвете сквозь сон, но к ней требуются приложения: удачные обстоятельства, неординарные сюжеты и нечто такое... чтобы дух захватило. Как раз с приложениями в эту лунную ночь не везло, хоть лопни.

Между тем мир вокруг казался ирреальным и живым. Даже статуя нимфы, которую ваял некий лепщик явно по пьяни, зажила своею одинокой жизнью. Над головой светился ореол, точь-в-точь напоминающий нимб, светилось плечо, часть шеи и груди, складки туники, соскользнувшей на бедра. Застывшие тени вокруг скульптуры усиливали таинственность. В самом деле, нимфу можно принять за живую девицу, у которой хобби — нагишом разгуливать по паркам в ночное время. А днем на этот апофеоз бездарности не захочешь смотреть, ведь сделана

девочка топорно, ее и засунули в кусты, чтобы поменьше народу разглядывало. Но каков световой эффект!

Гоняясь за ним, световым эффектом, а также за сюжетом, Ника пришла в парк под покровом темноты. Кадров сделано немало, но всё пейзажи, пейзажи... Это не то. Пейзажами (включая лунные) страдают все начинающие фотографы, полагая, что именно им открываются тайны мироздания, — ха-ха! И еще раз: ха! Так где же они — молодые, налитые здоровьем, безбашенные, жаждущие насладиться любовью? А если смертью? На худой конец наркотиками? Это были бы настоящие кадры: правдивые, щемящие, сильные, без сусальной позолоты. Но кругом пусто... пусто и тихо...

Стоп!.. Ника услышала негромкий стон. Женский. И весьма характерный.

— Ура, ура... — азартно зашевелила она губами, осторожно пробираясь сквозь заросли на протяжные тихие стоны и подготавливая фотокамеру. Ника переродилась в хищную дикую кошку, ступающую осторожно и совершенно бесшумно, видящую сквозь густые кусты, слышащую шепот листвы.

Наконец поляна. Как полагается, с газонной травкой. А луна-предательница подло выдала тайну влюбленных, которые находились в данный момент на краю Вселенной. Ника загорелась желанием задержать их на этом краю навечно — хотят они этого или нет. Разумеется, не хотят, но это их проблемы.

Снимки могут не получиться из-за коварного освещения, щелчки могут услышать, тогда предсказуем будет финал авантюры. Но это такой драйв — рискнуть, зная, что тебе вырвут руки-ноги! Если поймают, конечно. Пока парочка разберется, откуда щелчки, Ника успеет сделать несметное число кадров, ведь ее камера — техническая роскошь. Она примерилась и...

Щелк... щелк... щелк...

Ракурс — блеск! Обе фигуры в идеальном положении к объективу. О, какая у парня спина, отливающая серебристыми бликами! Мышцы играют, фигура извивается, как гибкая змея, волосы, подсвеченные луной, вздрагивают... А какие ноги у девушки... грудь... профиль, тронутый лунным сиянием...

Щелк... щелк...

Опля, пауза! Нет-нет, это не передышка, парень повернул голову в сторону Ники... Неужто услышал щелчки? Конечно, он ее не видит. Но обеспокоен. Наверное, обеспокоен. И его подружка приподнялась на локтях. Жаль, выражения лиц «размыты» тенями. Но может, камера «увидит и запомнит»?

Щелк... щелк... И еще! Еще!

Ага, парень поднимается. Пора!

Ника вынырнула из укрытия и ослепила ребят вспышкой раз, другой... Они замерли — растерянные, напуганные, жалкие.

Еще разок их вспышкой...

Обнаженная Маха на травке завизжала, будто ее укусила кобра, и... осталась в памяти фотокамеры. Она судорожно шарила вокруг себя руками — одежду искала. Не хотела бы Ника оказаться на ее месте, о нет.

Парень сообразил, в чем дело, вскочил...

Надо линять. Нет, драпать во весь дух! Но!

— Боже, какой ты классный, — захлебнулась восторгом Ника, нажимая на кнопку камеры.

А то! Парень просто редкий экземпляр, сложен как бог.

Щелк! Ой, пора делать ноги и по-быстрому, потому что бог помчался на вспышку.

— Глеб! — закричала Маха на поляне. — Куда ты? Брось... Глеб, вернись!..

Ника предвидела погоню и сшила специальный мешок из ватина, чтобы не повредить камеру. Теперь, сунув туда фотокамеру, Ника бежала, словно к ее ногам приставили

реактивные двигатели, а на спине выросли крылышки. Окрылила девушку удача, между прочим, тетка зловредная, имеющая дрянную привычку подставлять подножки. Но парня окрылила злоба, еще бы! Бежал он быстрее и догонял Нику — художника по призванию, а не какую-то там сексуально озабоченную дуру.

Вон там уже ограда! Знакомая каждой перекладиной, виньеткой, кружочком. Лишь бы успеть взобраться. Оглянувшись, Ника включила последнюю скорость, на какую была способна, и успешно оторвалась от преследователя. Вскарabalкалась она по прутьям ловчее обезьяны, уселась сверху, глубоко вдыхая и не решаясь спрыгнуть. Высоко!

Из зарослей выскочил разъяренный молодой лев, обтянутый блестящей кожей. Если схватит Нику за ногу.. ноги не будет, оторвет к черту. И вообще Нике не жить, если он доберется до нее, а жить-то хочется. Она соскользнула вниз, кое-как страхуя себя руками и обдирая кожу на ладонях. Ника успела отдернуть руки от прутьев и отпрянуть, а парень схватился за железную преграду.

— Ты! Гадина! — зарычал он, не разжимая зубов. — Подлая сволочь...

Улица освещена, Ника прекрасно разглядела парня и... передумала убегать. У него же мордашка на высший балл! Не запечатлеть эталон мужской красоты во всех форматах, да еще в минуту гнева... Нельзя, нельзя! Это преступление перед человечеством! Оно, человечество рахитичное в своем большинстве или донельзя ожиревшее, должно знать, к какому идеалу стремиться. Глеб — путь к славе, богатству, успеху.

— Ты необыкновенный... — Ника защелкала фотокамерой, а он опешил, столкнувшись с беспрецедентной наглостью, и замер, вытаращив безумные глаза. — Плейбой, клянусь... Прекрасные технические данные... А твоя штука между ног просто супер!..

Глеб схватился за причинное место, он задыхался от злости, возмущения и бессилия, метал молнии из глаз — к счастью, это не смертельно. Злость увеличивается на порядок, если нет возможности выдать по счетам, а Глеба и Нику разделила высокая стена из толстых прутьев — какие тут счеты? Остались лишь жалкие угрозы:

— Ты пожалеешь, гадюка!

— У тебя римский профиль... — мурлыкала Ника, игнорируя оскорбления (которые, между прочим, заслужила) и продолжая фотографировать жертву своего тщеславия, — профиль патриция. Впрочем, ты вряд ли знаешь, кто такие патриции. Но у тебя есть другие достоинства: физическое совершенство, красивое лицо, ты великолепен в сексе...

— Убью!!!

Решив осуществить угрозы, он стал карабкаться вверх по ограде, да как ловко! А Ника тем временем ловила моменты и запечатлевала его со всех возможных ракурсов, приговаривая:

— Как ты собрался убивать меня? Надо сперва догнать, а я бегаю быстро. И неужели ты побежишь по улицам э... м... голым? (Он застыл на ограде враскоряку, эдакий человек-паук.) Тебя арестуют.

Вспомнил, что на нем действительно нет даже фигового листочка, одни носки, которые одеждой при самом большом желании не назовешь. Глеб спустился назад и, рыча, ударил по прутьям кулаками:

— Тварь конченная!

— Не злись, — ласкала его голосом Ника, не забывая запечатлеть, ведь кадров много не бывает, их всегда мало. — Тебя нужно показывать всем этим тупым духликам, сосущим энергетики из банок и окутаным дымком марихуаны.

— Убью, запомни!.. — цедил он сквозь стиснутые зубы одновременно с ней. — Обещаю тебе адские муки, я по ним спец...

— Ты редкий вид и гордись этим...

— В одних колготках заставлю бегать по городу!..

— Красавчик, ей-богу. Хотя я не люблю этого пошленького слова...

— Удавлю! Клянусь! После марафона в колготках, я удавлю тебя! Ими же!

— Прости, плейбой, мне пора. Вот если бы ты согласился позировать мне... (Он зарычал в ответ.) Не хочешь? Тогда уйду. Не бойся, твои фотки не попадут в Интернет, я не буду их выставлять нигде, кроме заграницы. А там и не такое видели. Бай-бай, Глеб.

— Чтоб ты сдохла, змея!

Ника сделала несколько шагов и вдруг вернулась. Из предосторожности она остановилась в зоне недосягаемости, ибо в данном случае риск может обернуться катафалком в сопровождении духового оркестра. Вон как накрыло его: ноздри раздуваются, губы дрожат, наверняка в воображении он рвет ее на части голыми руками. А вдруг у него руки длинные? Ника отступила еще на шагок.

И Глеб пристально разглядывал мерзавку, которая беспардонно вторглась в его пространство. Он запоминал ее, несмотря на электрическое освещение и собственное состояние, когда люди и предметы видятся в ином ракурсе, чем есть. Запоминал в основном лицо, так как черные спортивные штаны, жилет и футболка того же цвета замаскировали фигуру, из-за чего она стала похожей на бревно. С уверенностью он только сказал бы, что мерзавка среднего роста и не худышка. Черты лица крупные (на его вкус заурядные), скулы высокие, подбородок овальный, рот большой, зубы раздражающе белоснежные... так бы и врзал по этим зубам кулаком, не посмотрел, что перед ним женщина! Да не достать. Далее: волосы белые, до бровей надвинута кепка, а сзади из дыры в кепке торчит хвост, значит, длина волос ниже лопаток. Короче, блондинка — с ней все ясно! Итак, портрет отправлен в память,

Глеб не ошибется, встретив ее даже случайно. А дорожки их обязательно пересекутся, уж он-то постарается, чтобы пересеклись.

— Любуешься? — процедил он, сплюнув в сторону и уже не закрывая мужское достоинство, поразившее воображение выдры с фотокамерой.

— Это естественно, — замурлыкала Ника. — Но, Глеб, сквернословы тяжело болеют — доказано наукой. Вибрации матерных слов деструктивно воздействует на молекулу ДНК, так что подумай о себе, настоящем мачо. А твоей девушке искренне завидую. Желаю приятно провести остаток ночи.

— Я тебя найду.. найду.. найду..

Кажется, он возомнил себя Геркулесом и решил вырвать ограду — с такой силой затряс ее. К радости Ники, ограду сделали в эпоху развитого социализма, сделали качественно, следовательно, намертво, вырвешь только при помощи танка... а то и двух. Ника побежала на противоположную сторону проезжей дороги, по которой ни одной машины не проехало за это время.

— Я найду тебя! — повторял он, как заклинание.

А она миролюбиво помахала ему в ответ, подарив улыбку, и нырнула в темноту переулка, врезавшегося перпендикуляром в улицу.

* * *

— Уродка! Подлая! — ругался Глеб, возвращаясь.

В нем клокотало все до последней клетки, да что там — молекулы возмутились, а они такие маленькие, но даже до них дошел отрицательный заряд. Глеб не относится к молодым людям, которые разговаривают матом, а слова употребляют для связки слов в убогих предложениях. Более того, подобных представителей гомо сапиенса он

наделял презрительными эпитетами, но вот, пожалуйста! Сам уподобился им, вспомнив все известные обороты.

Он остановился, припоминая, в какой зоне парка оставил Дину и, что немаловажно, одежду. Топографическим кретинизмом не страдал никогда, но при свете луны и рассыпанных по парку фонарей на столбах с пониженным режимом освещения, к тому же в состоянии крайнего гнева, найти ориентиры затруднительно. Парку больше ста лет, он — часть естественного лесного массива, изменений претерпел мало. Лужайки с газонной травой находятся в центре и огорожены кустами, их несколько. Глеб озадачился: ну и на какой он с Диной?.. Вот досада! Парк знал как свои пять пальцев на каждой руке и даже ноге, но вспомнить, в какое место завела элементарная человеческая потребность, не получалось. Не до того было, когда увлекал сюда подружку.

Глеб завертелся, определяя, где находится ограда. Припомнил, что во время гонки бежал, не петляя, а прямо. Изредка, конечно, огибал небольшие препятствия, а так — прямо и прямо. Назад шел, не меняя курса. С облегчением вздохнув, он восстановил точный маршрут. На смену гневу пришло новое чувство — жажда мщения. Мечь — о! Это блюдо нужно подавать не только холодным, но и нарезанным на куски, чтобы глотать с блаженством, а не давиться.

— Ди-на! — закричал Глеб, полагая, что близок к цели.

Бояться некого — сторож далеко, наверняка спит, а если и прибежит, то что с того? Не убьет же за секс под луной, за это даже в полицию не заберут, ибо свидетелей нет.

— Дина! Ты где?.. — закричал громче, не дождавшись ответа.

Ушла, что ли? А его одежда! Не унесла же она шмотки с собой! Поставив руки на бедра, заполняясь негодованием, Глеб взревел:

— Дина, кончай дурить! Я-то тут при чем?.. Ди-на!..

Откуда взялась идиотка с фотоаппаратом, чтоб ей!.. Остается обойти все поляны, их немного, штук семь-восемь. Но если только Дина сдуру решила подшутить над ним и утащила одежду..

— Обоих закопаю! — процедил он.

Словно испугавшись угроз, Дина то ли всхлипнула, то ли вздохнула громко. Главное, рядышком. Усовестившись, Глеб пошел на голос. Бедняжка Дина, наверное, пережила в одиночестве конец света, а он хорош: черт знает что думал на ее счет! Глеб вышел на поляну и разглядел белеющее тело. Думал, она уже одета, а ничуть не бывало: подруга ждала его в костюме ню, лежа на травке. Только настроение уже не то, совсем-совсем не то. Мужчина — творение тонкое (изнутри, разумеется), переключается сложно, он же не автомат.

— Почему молчала? — поднимая свои вещи, спросил Глеб. — Эта тварь нервы завязала в узел, еще и ты не отзывалась. Собирайся, провожу тебя.

Натягивая плавки, затем джинсы, Глеб бубнил с обидой:

— Змея с объективом сказала, что я не знаю, кто такие патриции. Сама добавила в свой скудный лексикон одно слово и решила, что она толковый словарь. Дура. Где мои кроссовки?..

Его чуть не накрыло: он в диком раздрае, а Динка валяется на траве, словно под ней матрац в пятизвездочном отеле! На ее счастье, одна кроссовка обнаружилась, на ней лежала рука Дины. Глеб сел рядом, забрал кроссовку..

Глаза невольно задержались на руке девушки, слетевшей с кроссовки. Чего-то в ней не хватало... живого, что ли, не хватало. Взгляд Глеба скользнул по руке подруги вверх и задержался на лице. А что там, собственно, разглядишь при лунном свете? Лицо как лицо, в покое, глаза закрыты... Не спит же она в самом-то деле! При всем при том Дина не произнесла ни слова — разве это нормально?

— Дина... — позвал Глеб. — Почему ты молчишь?

И что? Вместо голоса подруги — странный хрип. Прозвучал он всего секунду-другую, потом смолк. А кстати, почему она хрипит?

Дина лежала на его рубашке как кукла, голая кукла, которую забыли одеть или просто выбросили за ненужностью. Отчего-то Глебу стало жутковато. Под кожу медленно, от щиколоток к коленям и от поясницы к плечам, заползала тревога. Пока она была безотчетной, больше интуитивной, но требовала оснований, подтверждения чего-то невероятного, что случается редко и только с другими людьми.

— Динка, что с тобой?.. — Глеб тронул девушку за плечо.

Она вздохнула и, наконец, произнесла неразборчивую фразу, ему пришлось наклониться.

— Что ты сказала?

— Он... еще... здесь... Помоги...

— Кто? — спросил Глеб. — Динка, ты о чем?.. Вставай, хватит изображать умирающего лебедя.

Он заметил вторую кроссовку, стоявшую с другой стороны Дины, напротив ее локтя. Глеб протянул руку.. и не взял кроссовку. Его рука замерла над телом девушки, потому что Глеб рассмотрел на коже Дины разбросанные пятна. Это были черные и мокрые разводы, в них отражались осколки луны. Пальцы Глеба дотронулись до такого «осколка», на ощупь пятно было вязким, плотным, мокрым и холодным...

— Дина, откуда это?..

Глеб уже не ждал, что скажет подруга, его глаза сами искали ответ. Скользнув по обнаженному телу, они с недоумением задержались на предмете, торчавшем из живота вертикально. В первый момент Глеб не сообразил, что это за штукавина, рука самостоятельно потянулась к ней, чтобы коснуться и узнать сначала пальцами, на